

УДК 159.9.01; 159.964.21; 159.964.26

DOI: 10.34670/AR.2021.47.79.001

Подход к понятию психической травмы в работах Жака Лакана**Жарук Иван Антонович**

Аспирант,
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина;
научный сотрудник,
Национальный медицинский исследовательский центр
детской травматологии и ортопедии Минздрава России,
196603, Российская Федерация, Пушкин, ул. Парковая, 64-68;
e-mail: ivanzharuk@gmail.com

Аннотация

Самобытный подход Жака Лакана к изучению психических процессов, сформировал целое философско-методологическое течение, оказавшее влияние на психологию, континентальную философию, лингвистику, топологию, философию науки и искусства в XX веке. В этой работе мы постараемся рассмотреть его подход к пониманию психической травмы, который может позволить под несколько иным углом взглянуть на это исторически сложное понятие. Психическая травма раскладывается им на простейшие элементы т.о. содержит в себе «эффект означающего», «возврат вытесненного», «повторение» и «Реальное», которые сами по себе, в отдельности от понятия психической травмы, являются неотъемлемыми составляющими психики. Вводя термин – «след» и обращаясь к термину «впечатление», Лакан характеризует нейтральный статус того, что обозначается понятием «психическая травма», или «травматические переживания», чья характеристика всегда считалась строго отрицательной, лишь посттравматический рост рассматривался, как позитивные изменения в связи с отрицательным событием. Автор отмечает, что работы Лакана оставляют свободу для интерпретации вкладываемого в них смысла и понимания заявленного. Лакан осуществил самобытный методологический подход и ввел регистры «Реального», «Воображаемого» и «Символического». Такая логика создает смысловую дистанцию, требующую перевода с подходами, где реальность рассматривается, как объективная и в единственном числе. Предлагаемые Лаканом идеи заслуживают особого внимания, поскольку, охватывая детально проработанными отсылками разные научные направления, создают уникальный ракурс изучения.

Для цитирования в научных исследованиях

Жарук И.А. Подход к понятию психической травмы в работах Жака Лакана // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 6А. С. 5-16. DOI: 10.34670/AR.2021.47.79.001

Ключевые слова

Психическая травма, Жак Лакан, След, Впечатление, Реальное.

Введение

Понятие психической травмы, практически с момента введения имело разные трактовки и различающиеся методологические подходы его понимания. Психические расстройства в связи с травматизмом изначально понимались, в одном из подходов, как результат физической травмы. Поначалу это создавало некоторую путаницу в использовании понятия «травматическая истерия», которое изначально было закреплено за пониманием истерии, как результата физического повреждения. Как пишет Брейер, в работе «Исследования истерии»: «Термин «травматическая истерия» уже закреплен за симптомами, которые развиваются вследствие повреждения какой-либо части тела, то есть в результате травмы в узком смысле слова, и относятся к «травматическому неврозу» [Брейер, Фрейд, 2015]. Представление о физическом травматизме, как причине психических расстройств, со временем стало рассматриваться скорее как психологическая травма, а в некоторых подходах перестало использоваться вовсе. В области понимания причин возникновения психической травмы, механизма формирования и лечения, сохранилось различие подходов и понимания. Причинами психотравмы разными авторами назывались: испуг [там же, 3], рождение [Ранк, 20019], особая форма общей стрессовой реакции [Селье, 1979], прорыв в барьере, защищающем от беспомощности, из-за отсутствия индивидуальных ресурсов [Levine, 1997], «экзистенциальные данности» (смерть, бессмысленность, изоляция и свобода) [Ялом, 2015], отсутствие смысла, связанного с травмирующим событием [Франкл, 1982] и мн. др. Сложности с выявлением однозначных диагностических категорий вызвали настолько большие затруднения, что в международной классификации болезней до сих пор отсутствует категория психической травмы, при этом присутствует категория – Посттравматическое стрессовое расстройство (F43.1). В этой работе мы постараемся рассмотреть еще один подход к пониманию психической травмы, который может позволить под несколько иным углом взглянуть на это исторически сложное понятие.

Основная часть

Французский психиатр, психоаналитик и философ Жак Лакан выдвинул множество уникальных идей, которые повлияли на разные области науки. Его семинары и концепции, озвученные на них, стали важными составляющими современной континентальной философской школы и повлияли на философию науки и искусства. Они оказали влияние на психологические науки, лингвистику, топологию и математическую логику в целом.

Несмотря на то, что Лакан называл себя последователем идей Фрейда, это не мешало ему толковать идеи Фрейда, переосмысливать их, развивать или даже отходить от них в рамках собственного учения. Примером такого переосмысления является и концепт психической травмы, который, по мнению самого Лакана, являлся чуть ли не тем, с чего психоанализ начался. Как сказал Лакан в одном из своих семинаров: «Пресловутый травматизм, послуживший было психоанализу отправной точкой...» [Лакан, 2002]. На протяжении нескольких выступлений и 11 семинара Лакан, эпизодически возвращаясь к концепции психической травмы, артикулирует тот подход, который соответствует месту этого понятия в его психоаналитической концепции. Стоит отметить, что не все семинары Лакана переведены на русский язык, поэтому обзор производился из имеющихся на данный момент переводов. Однако, как нам кажется, имеющихся переводов достаточно для приблизительного представления о лакановском подходе.

Уже в своем программном выступлении «Функция и поле речи и языка в психоанализе», которое также получило название «Римская речь», Лакан начинает делать заметки по поводу идей психического травматизма под несколько иным углом относительно теории Фрейда.

Причинами травматизма Фрейд в одной из наиболее поздних своих работ «Анализ конечный и бесконечный» 1937 года называл сочетание конституциональных и случайных факторов: «Как правило, присутствует сочетание обоих факторов, конституциональных и случайных. Чем сильнее конституциональный фактор, тем скорее травма приведет к фиксации и оставит после себя нарушение в развитии; чем сильнее травма, тем скорее ее повреждающее действие проявится, даже если состояние инстинктивной сферы является нормальным» [Фрейд, 1996]. В «Римской речи» Лакан начинает рассматривать случайные факторы как неслучайные, поскольку события жизни соотносятся с историей принятых ранее решений: «Характеризуя психоанализ и историю как науки, посвященные изучению особенного, мы вовсе не утверждаем, будто факты, с которыми они имеют дело, совершенно случайны или произвольны, а все значение их сводится в конце концов к травме в ее первоначальном виде. События зарождаются в первичной историзации; другими словами, история создается уже на сцене, где, будучи однажды записана, она тут же разыгрывается перед взорами совести, с одной стороны, и правосудия, с другой» [Лакан, 1995].

Фрейд оставлял возможность внешней ситуации случайности, но исключал возможность случайности внутренней и случайности действий: «...если я и верю во внешний (реальный) случай, то не верю во внутреннюю (психическую) случайность... Общее же свойство ..., присущее также и ошибочным и случайным действиям, заключается в том, что феномены эти могут быть сведены к действию вполне подавленного психического материала, который, будучи вытеснен из сознания, все же не лишен окончательно способности проявлять себя» [Фрейд, 2018]. Таким образом, у Фрейда случайными были внешние события, а внутренние действия – не случайными. В свою очередь, Лакан указывает на неслучайность и тех, и других. Можно предположить, что Лакан распространяет подход Фрейда к ошибочным действиям (получивший распространение в виде крылатой фразы «случайности не случайны»), и на ситуативные травматические события, которые считались самим Фрейдом случайными.

Из анализа подробностей клинического случая Фрейда «Человек с волками» Лакан разворачивает рассуждения о возврате вытесненного. Он отмечает у Фрейда термин: «Pragung»¹. Этот термин Фрейд использует в значении «оттиска», отмечая, что событие становится травматичным задним числом. Возврат травмы, согласно Лакану, содержит в себе «эффект возврата вытесненного» как такового. Проявляется превратной формой вытеснения, которое является одним из ключевых психических процессов в психоаналитической концепции и не имеет само по себе негативной коннотации.

В первом семинаре Лакан говорит об «эффекте возврата вытесненного» в связи с понятием «травмы»: «Травма, в той мере как она оказывает вытесняющее действие, вмешивается задним числом, nachtraglich. В такой момент нечто отделяется от субъекта в том самом символическом мире, в процессе интеграции которого субъект как раз и находится. Впредь это нечто уже не будет относиться к субъекту, не будет присутствовать в его речи, не будет интегрировано им. И тем не менее оно здесь же и останется и будет, если можно так сказать, выговариваться чем-то, субъекту неподвластным. Вот что станет первым ядром того, что впоследствии получит название симптома. Иначе говоря, между описанным мной моментом анализа и промежуточным

¹ нем. чеканка, тиснение

моментом, между тиснением и символическим вытеснением, никакой существенной разницы нет. Есть лишь одно различие, а именно: в такой момент рядом нет никого, кто мог бы субъекту дать в помощь слово. Конституировав свое первое ядро, вытеснение начинает действовать. Теперь уже существует центральная точка, вокруг которой позже может произойти организация симптомов, последующих вытеснений и в то же время – поскольку вытеснение и возврат вытесненного, одно и то же – возврат вытесненного» [Лакан, 2019].

Во втором семинаре Лакан обращает внимание на этиологический статус понятия травмы. Нестыковка заключается в различии представления о психическом здоровье между психоанализом и медицинской психологией. В психоанализе отсутствует представление о четко определяемом психическом здоровье как эталоне, к которому можно было бы стремиться, или соответствовать всем, а то, что считается болезнями или расстройствами в медицинском поле, является индивидуальной психической структурой субъекта, которая определяет стиль психического реагирования. «Говоря о неврозе, мы видим, что немалую роль играет в нем своего рода бегство от реальности, стремление ее избежать, конфликт с ней. Описать роль реальности в развязывании невроза пытаются, прибегая к понятию травматизма – понятию по сути своей этиологическому» [Лакан, 2014]. Таким образом, Лакан, вероятно, отмечает, что само понятие травмы предполагает наличие состояния здоровья до или после нее, к которому можно было бы вернуться, или прийти, что не соответствует методологическому подходу психоанализа. Также стоит отметить, что стремление изъять представления о психических процессах из медицинского дискурса не является свойственным лишь для работ Лакана, а сопровождает многие психологические и философские работы на протяжении всего XX века.

Лакан производит сравнение понятий «травматизма» и «означающего», обнаруживая, что само по себе осознание травматичности какой-либо ситуации содержит в себе оценку «самим самого себя» и своего жизненного опыта. Это невозможно было бы сделать без использования функции «означающего», которая сама по себе является неким отчуждением.

Лакан, в частности, отвечает на свой же вопрос: «Пресловутый травматизм... что это такое, если не означающее...? Живое существо постигается, поскольку оно живет, как живущее, но возникает при этом отстранение, дистанция – та самая, которой и обусловлены как раз и автономия означающего измерения, и травматизм ... Когда Фрейд пытается то, что симптом представляет собой, сформулировать, в образовании симптома неизменно учитывается им роль того, что находится у означаемого на заднем плане – роль означающего» [Лакан, 2002].

Отчуждение при использовании «означающего» как элемента языка не является чем-то негативным, поскольку таким образом достигается функция коммуникации между людьми и обмена опытом. Однако существуют философско-лингвистические подходы, которые смотрят на это иначе. Так, семиотик Ролан Барт на одном из своих выступлений сказал: «Язык – это обыкновенный фашист», – указывая на то, каким безальтернативным способом человеческое существование захватывается и опосредуется языком. В полном виде это утверждение Барта выглядит так: «Однако язык, как перформация всякой языковой деятельности, не реакционен и не прогрессивен; это обыкновенный фашист, ибо сущность фашизма не в том, чтобы запрещать, а в том, чтобы понуждать говорить нечто» [Барт, 1989].

Развивая логику принуждающей функции языка, в той же лекции он добавил: «Таким образом, в языке, благодаря самой его структуре, заложено фатальное отношение отчуждения. Говорить или тем более рассуждать вовсе не значит вступать в коммуникативный акт (как нередко приходится слышать); это значит подчинять себе слушающего: весь сплошь язык есть общеобязательная форма принуждения» [там же].

Идеи Барта находят развитие в работах философа-психоаналитика Лоренцо Кьезе. Яркое

выражение Къезе: «Человек – это животное, больное языком» [Къеза, 2016], – отражает существо конфликта, между человеком как носителем языка и свойством языка подчинять себе человека. Во многом потому, что язык имеет лакуны, он не позволяет выразить весь спектр чувств, испытываемых человеком. Множественность языков не позволяет сформировать одинаковое понимание у разноязыковых групп, при этом у языка нет никакой альтернативы, как и у его структуры. Логику такого подхода, в радикальном смысле, можно обнаружить в схожести языка с вирусом.

Отмечаются схожие черты вируса и языка:

- Приходит извне от Другого,
- Ему нужно живое животное, носитель, чтобы он мог «жить» сам (язык, у которого нет ни одного живого, говорящего носителя, считается «мертвым»),
- От него невозможно избавиться, любой, кто «заразился», оказывается подчинен его воздействию и «обречен» (обречен на смерть – применительно к понятию смертоносного вируса; обречен в значении охвачен речью, «назван, именован, безвозвратно прописан», – применительно к понятию языка).

В конце 50-х, в рамках седьмого семинара, который получил название «Этика психоанализа», Жак Лакан говорит уже о том, что травму как впечатление² и след психоаналитики научились раскладывать на простейшие элементы. В этом периоде Лакан начинает говорить уже о некоей будто бы второстепенности травмы, отмечая ее разложимость на более простые составляющие.

Свою идею Лакан артикулирует так: «Конечно же, мы научились ее, эту травму, отпечаток этот, этот след раскладывать на простейшие элементы, но суть бессознательного вписывается, тем не менее, в иной регистр, нежели тот, на который обращает внимание в своей «Этике» Аристотель, прибегая для этого к игре слов ἵθος/ἦθος» [Лакан, 2006]. Возможно, более подходящим переводом французского слова «impression» будет понятие «впечатление», а не «отпечаток». Понятие «впечатление» имеет больше связей с наукой в целом и психологией в частности, чем «отпечаток». В педагогике есть понятие «импрессинг»³ введенное генетиком В.П. Эфроимсоном, понимаемое как «информационное воздействие». В этологии и психологии понятие «импринтинг» или «запечатление», предложенное зоопсихологом К. Лоренцом, также понимаемое как форма обучения, через запечатление в памяти признаков объектов. В общем смысле, «впечатление» соотносится с представлением о понятии «травмы»:

- является воспоминанием с повышенной эмоциональной окраской,
- всплывает из памяти как будто живую,
- повторяется вновь и вновь.

При этом «впечатление» не имеет выраженной негативной коннотации, как понятие «травма».

В этом же семинаре Лакан упоминает работы австро-американского психоаналитика Рене Шпитца, который ввел понятие «rooting» [Spitz, 1955]⁴.

В своих публикациях Шпитц использовал понятие «rooting» в отношении травматического невроза раннего детства, заключавшегося в отказе или невозможности грудного вскармливания.

² в русской версии семинаров, переводится однокоренным словом – отпечаток

³ от. англ.— впечатлять, оставлять след

⁴ прим. англ. укоренение, вращание.

По словам Лакана: «Шпитц вынужден прибегнуть для объяснения к механизму пассивному, каковым является травматический невроз. Он имплицитно предполагает, следовательно, наличие в прошлом некой фрустрации в процессе кормления. Он рассматривает *rooting* как след, оставшийся вписанным в поведение после чего-то такого, что было, как он вынужден предположить, отказом в кормлении или отнятием от груди, ибо именно им этот жест предшествует. Удивительно, однако, что он артикулирует это как изолированный, выведенный на основе частного случая факт, а не как общее правило» [Лакан, 2006].

Таким образом, можно предположить, что в этом моменте Лакан иносказательно дает понять, что травматизм раннего детства является «следом» или «впечатлением», растающим, укореняющимся в истории субъекта, и что такое вращение является общим правилом психического развития, его составляющей, а не частным случаем, который мог бы случиться или не случиться.

Развивая переосмысление подхода к психической травме, Лакан отмечает, что трагизм в существовании человека является чуть ли не основополагающим условием человеческого опыта. Наряду с рассмотрением «эдипова комплекса» как одной из ключевых фаз психосексуального становления субъекта в теории психоанализа, он предлагает обратиться к термину «катарсис», который имеет амбивалентное свойство, поскольку несет в себе как негативное потрясение, так и позитивное освобождение, очищение.

Согласно Лакану: «...трагедия лежит в самом корне нашего опыта не только благодаря образу эдипова комплекса, но и в гораздо более тесном смысле, как свидетельствует о том ключевое, осевое для нас и для нее слово – слово “катарсис”» [Лакан, 2006].

В этом отрывке, как представляется, Лакан обращается к идее Фрейда об амбивалентной природе травматического опыта человека в том моменте, когда опыт не осознается и вытеснен в бессознательное. Как пишет Фрейд, в работе «Скорбь и меланхолия» 1917 года: «Конститутивная амбивалентность как таковая входит в состав вытесненного, травматические переживания...» [Фрейд, 1998], – как мы видим, вполне соотносится с идеями Лакана.

Таким образом, Фрейд и вслед за ним Лакан делают акцент на том, что сам по себе опыт, воспринимающийся негативно, имеет амбивалентную структуру, благодаря чему может не быть таковым впоследствии. В медицинском понятийном поле такие проявления амбивалентности в описании травматических событий зачастую понимаются как вторичная выгода пациента. В сравнении с понятием катарсиса отмечается, что потрясение или трагизм не являются присущими исключительно травматическому опыту. Трагичность или потрясения сами по себе не означают того, что событие в итоге строго негативное. Иногда негативное, или даже трагичное, на первый взгляд, событие становится причиной наступлению благоприятного состояния. В русском фольклоре такому опыту соответствует поговорка: «Не было бы счастья, да несчастье помогло».

В медицинской терминологии мы, в свою очередь, обнаруживаем, что позитивным последствиям психического травматизма относится понятие – «посттравматический рост» [Tedeschi, Calhoun, 1996].

Введение этого понятия позволило выразить обнаружившиеся позитивные проявления последствий травматических ситуаций, которым сперва давали другие названия – «трансформация травмы», «воспринятые выгоды», «позитивные аспекты». В любом случае, такой подход учитывает лишь позитивные изменения в будущем, через преодоление, не рассматривая сам «след» или «впечатление», называемые «травмой», как амбивалентный ресурс для подобных изменений.

В продолжение рассмотрения тех простейших составных элементов, на которые

раскладывается психическая травма, Лакан обращает внимание на «механизм повторения», присущий травматическому опыту. Впервые «повторение» было обнаружено на материале повторяющихся травматических событий в сновидениях. В трудах Лакана это звучит так: «И почему, собственно говоря, повторение впервые обнаружено было на уровне так называемого травматического невроза? В отличие от множества физиологов, патологов и прочих специалистов, Фрейд сумел обратить внимание на то, что если в сновидении воспроизвести явившееся источником невроза событие – скажем, интенсивную бомбардировку – для субъекта трудно, то наяву он, напротив, вспоминает об этом как ни в чем ни бывало» [Лакан, 2004].

Повторяющиеся сновидения – значимая составляющая травматического опыта. По поводу них теория Фрейда имела ряд истолкований, однако ни по поводу одного из них нельзя сказать, что оно окончательное. Во многом потому, что такие сновидения нарушают фундаментальные принципы теории Фрейда – принцип удовольствия и реализации желаний в сновидениях. Лакан в этой части оставляет тему сновидений о травматических событиях без окончательного объяснения, поскольку задается вопросом, а кто же является господствующей инстанцией во время сна? Кто является тем, кому надо справиться с болезненным событием путем повторения вновь и вновь травматического события во снах? Вправе ли исследователи спешить с ответом на эти вопросы? Свое видение Лакан формулирует в виде вопросов: «Какую роль травматическое повторение может играть, если с точки зрения принципа удовольствия его, судя по всему, ничто не оправдывает? Оно нужно, чтобы справиться с болезненным событием – ответят вам. Но кто, собственно, с ним справляется, кто является в данном случае господствующей инстанцией? Вправе ли мы спешить в выводах, пока инстанция эта остается нам неизвестна?» [там же].

Из материала семинаров, переведенных на русский язык, заключительным составным элементом, на который может быть разложена психическая травма, выступает «Реальное». Это один из ключевых и одновременно самых сложных терминов в концепции Лакана. Наравне с «Воображаемым» и «Символическим» «Реальное» является одним из трех регистров психики. В сочетании эти три регистра предстают как «Борромеев узел» – топологическая фигура, развиваемая и переопределяемая Лаканом на протяжении нескольких семинаров. В 20-м семинаре он скажет об этом так: «только математизация ... позволяет прикоснуться к реальному... Реальное – это и есть, я бы сказал, тайна говорящего тела, тайна бессознательного» [Лакан, 2011].

Ход, который он предпринимает для того, чтобы описать значение «Реального» в механизме психической травмы, также достаточно нетривиальный. Он обращается к философскому пониманию причинности и случая.

В этом залог Лакан рассматривает аристотелевский термин *tuche*⁵, точнее даже заимствует его. Случай, таким образом, рассматривается скорее, как судьбоносный «момент истины», в отличие от древнеримского понимания Фортуны, как богини удачи. Удачи, основанной на «слепом случае», гораздо ближе находящемся к случайности, чем к судьбоносности. «Момент истины» или «переломный момент». Оба этих понятия содержат амбивалентный потенциал, при этом сами по себе указывают лишь на временную особенность ситуации, способной привести к радикальным позитивным или негативным последствиям. В то время как в этиологическом смысловом поле в понятие «перелом» невозможно уместить смысл чего-то чрезвычайно

⁵ прим. персонифицируется как Тюхе — в древнегреческой мифологии божество случая, богиня удачи и судьбы.

особенного и способного привести к уникальным позитивным изменениям. «Момент перелома» – это нежелательная трагическая случайность, от которой нужно как можно скорее избавиться, вернув пациенту здоровье.

Обращаясь к слушателям своего 11 семинара в 1964-м году, Лакан отмечает: «*tuche* – заимствовано, как я вам в прошлый раз уже говорил, у Аристотеля, использующего это слово в своих рассуждениях о причине. Мы перевели его как встреча с Реальным. Реальное находится по ту сторону того, что мы называли *automaton*, по ту сторону возвращения, возврата, по ту сторону навязывающих себя знаков – всего того, одним словом, на что принцип удовольствия нас обрекает» [Лакан, 2004].

Таким образом, Лакан анализируя «Физику» Аристотеля, отмечает, что *tuche* находится по ту сторону *automaton*, по ту сторону принципа удовольствия, и переводится им как встреча с Реальным. Одно из определений, которое можно попытаться дать «Реальному», гласит, что оно является «изнанкой слова/образа», т.е. тем, что не охватывается ни «Воображаемым», ни «Символическим». Раскрывая эту идею Лакана, российский философ Ливаднов Г.С. пишет: «*Tuche* и *automaton* являются исключениями из принципа необходимости и детерминизма четырех причин, выделяемых Аристотелем, они выступают как остатки причинности. *Tuche* и *automaton* указывают на место ускользания причинности. Психоанализ, как отмечает в своих рассуждениях Лакан, как раз и построен на подобного рода «неполном признании» причинности: место проскальзывания причины – место избегания природной и культурной обусловленности – и есть место Реального» [Ливаднов, 2021].

Сравнивая феномен «встречи со случаем, судьбой» и «встречи с Реальным», Лакан как раз отмечает, что первое столкновение с «Реальным» было зафиксировано в форме понятия травматизма, как случая: «Функция *tuche*, функция Реального как встречи – встречи, которая может не состояться, которая, более того, и есть по самой сути своей встреча несостоявшаяся, предстала поначалу в истории психоанализа в форме, которая уже сама по себе заслуживает внимания, в форме травматизма» [Лакан, 2004].

Здесь Лакан указывает на схожесть понятия травмы и Реального, в том, что они оба:

- не поддаются усвоению,
- являются в результате случая,
- связаны с повторением,
- находятся по ту сторону принципа удовольствия.

Вслед за этим Лакан рассматривает конфликт между принципом удовольствия и принципом реальности: «Ведь то, что повторяется, обязательно возникает снова и снова как бы случайно – выражение, в котором связь с пресловутой *tuche* лежит на поверхности ... Реальное с самого начала заявило о себе в психоаналитическом опыте в форме того, что не поддается в нем усвоению – в форме травмы, то есть в форме, благодаря которой происхождение Реального неизбежно предстает как результат случая? Перед нами здесь суть и сердцевина того, что позволяет нам помыслить введенный противопоставлением принципа удовольствия принципу реальности конфликт наиболее радикально, того, что не позволяет нам утверждать, будто принципу реальности принадлежит, в конечном счете, последнее слово» [там же].

В этом отрывке Лакан совершает значимый методологический ход. Он отмечает, что Реальное и его значение оказывается значительнее и важнее, чем принцип реальности, который противопоставляется принципу удовольствия.

«Реальное», обнаруженное как психическая травма, существует вне логики привычного представления о физической травме:

- Не ослабевает (явственно стремится с прежней настоятельностью о себе напомнить),
- Выступает в неприкрытом виде.

В отличие от физической травмы, не затягивается и не ослабевает. Является внешнегостатическим процессом. Лакан говорит: «И в самом деле – считается ведь, как правило, что травма затягивается, подобно ране, тем субъективирующим гомеостазом, который всю нашу руководимую принципом удовольствия деятельность, в сущности, ориентирует. Но в психоаналитическом опыте мы, в этом случае, сталкиваемся с проблемой, которая состоит в том, что травма, в самом средоточии первичных процессов, явственно стремится с прежней настоятельностью о себе напомнить. Там, в процессах этих, травма действительно заявляет о себе вновь – более того, она часто выступает при этом в неприкрытом виде. Каким образом сновидение, этот носитель желания субъекта, способно порождать то, что приводит к возникновению травмы снова и снова – если не самого лика ее, то, по меньшей мере, того экрана, который указывает нам, что за ним этот лик скрывается? Не следует ли отсюда, что система реальности, какое бы развитие она у субъекта ни получила, оставляет-таки в плену у принципа удовольствия изрядную часть того, что иначе как Реальным не назовешь?» [там же].

Возвращаясь к вопросу о функции сновидений, которая способна вновь и вновь возвращать субъекта к моменту, след которого оказался травматичным, Лакан задается вопросом. Каким образом воображаемое воспроизведение события, может возвращать интенсивные переживания, будто оно происходит наяву? Ответом служит сомнение в том, что имеющаяся система представления о реальности, какой бы проработанной она не была, способна учесть все особенности среды, в которой существует субъект. В концепции Лакана существует регистр – Реальное, недоступное для встраивания в представление о реальности, влиянием встречи с которым объясняется тот факт, что страдания в связи со случившимся давным-давно событием могут периодически ощущаться так, будто случай вновь или впервые происходит прямо сейчас.

Заключение

Проанализировав имеющиеся работы с целью формирования понимания подхода к психической травме Жака Лакана, стоит отметить радикальное переосмысление понятия психической травмы в отношении концепции Фрейда и уникальность подхода.

Лакан отметил, что:

- 1) События, которые в теории Фрейда считаются случайными травматическими ситуациями, происходящими в течение жизни, не случайны;
- 2) Травматизм раннего детства является «следом» или «впечатлением», растающим, укореняющимся в истории субъекта, и это вероятнее всего является общим правилом развития;
- 3) Травматизм – это этиологическое понятие, подразумевающее понятие здоровья;
- 4) Сама по себе психическая травма – это прежде всего «след» или «впечатление», которое может быть травматическим, а может и не быть;
- 5) Травматический опыт амбивалентен. В том смысле, что он может быть чем-то трагичным, и в то же время чем-то незаменимо важным и конструктивным, как катарсис;
- 6) Трагедия лежит в самом корне человеческого опыта, поэтому травма, как нечто причиняющее страдания, в основе своей не чужеродна;
- 7) Психическая травма раскладывается на простейшие элементы, т.о., содержит в себе:
 - эффект означающего,

- возврат вытесненного,
- повторение,
- эффект встречи с Реальным, которые сами по себе, в отдельности от понятия психической травмы, не имеют однозначно негативной коннотации.

8) Понятие психической травмы замещается понятием *tuche* – встречи с Реальным.

Важно отметить, что, несмотря на значительные изменения, привнесенные подходом Лакана, это не означает отказ или замену фрейдовского понимания травмы, а скорее это два одновременно существующих понимания.

В заключении хотелось бы заметить, что Лакан радикальным образом пересмотрел понимание психической травмы для своей концепции. Рассмотренный подход позволяет взглянуть на психическую травму с позиции ее амбивалентного значения. Благодаря введению понятия «след» и обращению к понятию «впечатление» формируется логика того, что негативное событие, оставившее след, может оказаться как символювечающим, так и символюобразующим, в зависимости от индивидуального контекста.

То есть негативное событие может стать чем-то трагичным, что не является чужеродным человеческому опыту в целом. В то же время такое событие имеет потенциал стать и чем-то, что послужит отправной точкой уникальных и позитивных изменений.

Обращает на себя внимание то, что в концепции Лакана психический травматизм выступает практически как общее правило или неотъемлемая составляющая, растущая в опыт. Можно даже сказать, что Лакан частично отходит от использования понятия психической травмы, поскольку, как было указано выше, само понятие «травма» является этиологическим и не способно уместить в своем смысловом поле позитивный символюобразующий потенциал «впечатления», «следа». К примеру, как в смысловой разнице выражений «переломный момент» и «момент перелома». К тому же по сути «травма» состоит из нейтральных психических процессов, а неослабевающим напоминанием о себе, вызывающим страдание, является не само событие, а то, что оно обладает негативными последствиями эффекта встречи, столкновения с Реальным.

Стоит также упомянуть, что работы Лакана оставляют свободу для интерпретации вкладываемого в них смысла и понимания заявленного. Лакан осуществил самобытный методологический подход и ввел регистры «Реального», «Воображаемого» и «Символического». Такая логика создает смысловую дистанцию, требующую перевода с подходами, где реальность рассматривается как объективная и в единственном числе. Предлагаемые Лаканом идеи заслуживают особого внимания, поскольку, охватывая детально проработанными отсылками разные научные направления, создают уникальный ракурс изучения.

Библиография

1. Барт Р. Избранные работы семиотика // Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Брейер Й., Фрейд З. Исследования истерии // Собрание сочинений в 26 томах. СПб., 2015. 464 с.
3. Кьеца Л. Желание, жизнь, смерть – курс лекций. СПб., 2016. 388 с.
4. Лакан Ж. Семинары. Книга 1. Работы Фрейда по технике психоанализа. М.: Гнозис, 2019. 432 с.
5. Лакан Ж. Семинары. Книга 2. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. М.: Гнозис, Логос, 1999. 520 с.
6. Лакан Ж. Семинары. Книга 3. Психозы. М.: Гнозис, Логос, 2014. 432 с.
7. Лакан Ж. Семинары. Книга 5. Образования бессознательного. М.: Гнозис, 2002. 608 с.
8. Лакан Ж. Семинары. Книга 7. Этика Психоанализа. М.: Гнозис, Логос, 2006. 416 с.
9. Лакан Ж. Семинары. Книга 11. Четыре основные понятия психоанализа. М.: Гнозис, Логос, 2004. 304 с.

10. Лакан Ж. Семинары. Книга 20. Еще. М.: Гнозис, 2011. 176 с.
11. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис, 1995. 192 с.
12. Ливаднов Г.С. Современные материалистические теории субъекта – между Луи Альтюссером и Жаком Лаканом // Манускрипт. 2021. № 1. С. 148-151.
13. Ранк О. Травма рождения и ее значение для психоанализа. М.: Когито-Центр, 2009. 239 с.
14. Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1979. 124 с.
15. Франкл В. Поиск смысла жизни и психотерапия // Психология личности: Тексты. М., 1982. С. 118-126.
16. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни // Собрание сочинений в 26 томах. СПб., 2018. 368 с.
17. Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. С. 252-259.
18. Фрейд З. Анализ конечный и бесконечный // Московский психотерапевтический журнал. 1996. № 2. 125 с.
19. Черепанова Е.М. Психологический стресс: помоги себе и ребенку. М.: Academia, 1997. 96 с.
20. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 2015. 368 с.
21. Levine P. Waking the Tiger: Healing Trauma. Berkeley, 1997. 288 p.
22. Spitz R. The Primal Cavity: a contribution to the genesis of perception and its role for psychoanalytic theory // The Psychoanalytic study of the Child. 1955. Vol. 10. P. 215-240.
23. Tedeschi R.G., Calhoun L.G. The Posttraumatic Growth Inventory: Measuring the Positive Legacy of Trauma // J Trauma Stress. 1996. 9 (3). P. 455-71.

Approach to the concept of psychic trauma in the works of Jacques Lacan

Ivan A. Zharuk

Postgraduate,
Pushkin Leningrad State University;
Researcher,
Turner National Medical Research Center for Children's Orthopedics
and Trauma Surgery of the Ministry of Health of Russian Federation,
196603, 64-68, Parkovaya str., Pushkin, Russian Federation;
e-mail: ivanzharuk@gmail.com

Abstract

Jacques Lacan is one of the most famous French psychiatrists and psychoanalysts. His ideas influenced continental philosophy, psychology, linguistics, topology, mathematical logic, and philosophy of art. This article analyses his seminars and publications in order to understand his approach to the concept of psychic trauma. He refers to the concept of catharsis and points out that tragedy lies at the very root of human experience. Coming to a positive state in catharsis is accompanied by a shock of negative emotions, which leads to liberation from them. Following Freud, he indicates the ambivalence of traumatic experience. Early childhood trauma is defined as something that takes root in experience; trauma in adulthood is referred to as non-accidental. He denotes the processes that make up the trauma as «mark» or «imprint». He draws attention to the fact that the concept of trauma is etiological and implies the presence of health. This is not in line with psychoanalytic methodology where there is no concept of general psychic health as a benchmark. Lacan decomposes psychic trauma into its simplest elements: the effect of the signifier, return of the repressed, repetition and meeting with the Real. These are the basic components of the psyche and don't have only negative meaning as trauma. He understands repeating reminders and an undisguised plot not as traumatic memories, but as the effect of a meeting with the Real. In the end, Lacan replaces the concept of trauma with a concept borrowed from Aristotle, *tuche*.

For citation

Zharuk I.A. (2021) Podkhod k ponyatiyu psikhicheskoi travmy v rabotakh Zhaka Lakana [Approach to the concept of psychic trauma in the works of Jacques Lacan]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 10 (6A), pp. 5-16. DOI: 10.34670/AR.2021.47.79.001

Keywords

Psychic trauma, Jacques Lacan, Mark, Impression, Real.

References

1. Barthes R. (1989) Izbrannye raboty semiotika [Selected works of semiotics]. In: *Poetika* [Poetics]. Moscow: Progress Publ.
2. Breuer J., Freud S. (2015) Issledovaniya isterii [Studies of hysteria]. In: *Sobranie sochinenii v 26 tomakh* [Collected works in 26 volumes]. St. Petersburg.
3. Cherepanova E.M. (1997) *Psikhologicheskii stress: pomogi sebe i rebenku* [Psychological stress: help yourself and your child]. Moscow: Academia Publ.
4. Chiesa L. (2016) *Zhelanie, zhizn', smert' – kurs lektsii* [Desire, life, death: A course of lectures]. St. Petersburg.
5. Frankl V. (1982) Poisk smysla zhizni i psikhoterapiya [Search for the meaning of life and psychotherapy]. In: *Psikhologiya lichnosti: Teksty* [Personality Psychology: Texts]. Moscow.
6. Freud S. (2018) Psikhopatologiya obydennoi zhizni [Psychopathology of everyday life]. In: *Sobranie sochinenii v 26 tomakh* [Collected works in 26 volumes]. St. Petersburg.
7. Freud S. (1995) *Khudozhnik i fantazirovanie* [The artist and fantasizing]. Moscow: Respublika Publ.
8. Freud S. (1996) Analiz konechnyi i beskonechnyi [Analysis finite and infinite]. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal* [Moscow psychotherapeutic journal], 2, p. 125.
9. Lacan J. (2019) *Seminary. Kniga 1. Raboty Freida po tekhnike psikhoanaliza* [Seminars. Book 1. Freud's work on the technique of psychoanalysis]. Moscow: Gnozis Publ.
10. Lacan J. (1999) *Seminary. Kniga 2. «Ya» v teorii Freida i v tekhnike psikhoanaliza* [Seminars. Book 2. Ego in Freud's theory and in the technique of psychoanalysis]. Moscow: Gnozis, Logos Publ.
11. Lacan J. (2014) *Seminary. Kniga 3. Psikhozy* [Seminars. Book 3. Psychoses]. Moscow: Gnozis, Logos Publ.
12. Lacan J. (2002) *Seminary. Kniga 5. Obrazovaniya bessoznatel'nogo* [Seminars. Book 5. Formations of the unconscious]. Moscow: Gnozis Publ.
13. Lacan J. (2006) *Seminary. Kniga 7. Etika Psikhoanaliza* [Seminars. Book 7. Ethics of Psychoanalysis]. Moscow: Gnozis, Logos Publ.
14. Lacan J. (2004) *Seminary. Kniga 11. Chetyre osnovnye ponyatiya psikhoanaliza* [Seminars. Book 11. Four basic concepts of psychoanalysis]. Moscow: Gnozis, Logos Publ.
15. Lacan J. (2011) *Seminary. Kniga 20. Eshche* [Seminars. Book 20. More]. Moscow: Gnozis Publ.
16. Lacan J. (1995) *Funktsiya i pole rechi i yazyka v psikhoanalize* [Function and field of speech and language in psychoanalysis]. Moscow: Gnozis Publ.
17. Levine P. (1997) *Waking the Tiger: Healing Trauma*. Berkeley.
18. Livadnov G.S. (2021) Sovremennye materialisticheskie teorii sub"ekta – mezhdru Lui Al'tyusserom i Zhakom Lakanom [Modern materialistic theories of the subject: between Louis Althusser and Jacques Lacan]. *Manuskript* [Manuscript], 1, pp. 148-151.
19. Rank O. (2009) *Travma rozhdeniya i ee znachenie dlya psikhoanaliza* [Birth trauma and its significance for psychoanalysis]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ.
20. Selye H. (1979) *Stress bez distressa* [Stress without distress]. Moscow: Progress Publ.
21. Spitz R. (1955) The Primal Cavity: a contribution to the genesis of perception and its role for psychoanalytic theory. *The Psychoanalytic study of the Child*, 10, pp. 215-240.
22. Tedeschi R.G., Calhoun L.G. (1996) The Posttraumatic Growth Inventory: Measuring the Positive Legacy of Trauma. *J Trauma Stress*, 9 (3), pp. 455-71.
23. Yalom I. (2015) *Ekzistentsial'naya psikhoterapiya* [Existential psychotherapy]. Moscow: Klass Publ.